...ЖДЕТ ПО НАКОПЛЕНІИ МАТЕРІАЛА

ГОД ИЗДАНІЯ ПЕРВЫЙ.

ПЕРЕПЕЧАТЫВАЙТЕ И РАСПРОСТРАНЯЙТЕ ВСЮДУ.

„Довольство"

1907 г.

ЧЕТВЕРГ.

ГРОЗА

№ 2 к.

ЧЕТВЕРГ.

4го апрѣля.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ГАЗЕТА САРАТОВСКИХ АНАРХИСТОВ-КОММУНИСТОВ.

2й номер запоздал

Высылка от ред. обстоятельств

Архивъ П. О. Р.
Раздѣлъ .....
Отдѣлъ .....
№ .....

Централизм.

В основѣ организацій всѣх современных партій лежит принцип централизма, т. е. средоточія жизни и дѣятельности партіи в одном руководящем центрѣ. Этот центр связан с простыми смертными-членами партіи-сложным передаточным механизмом, построенным на іерархических началах. Так, устройство, хотя бы тѣх-же соціалистических партій таково: на самом верху партія стоит Центральный Комитет, ему подчинены Областные Комитеты, которые завѣдуют Мѣстными Комитетами, послѣдніе распоряжаются Районными организаціями и т. д. и т. д. Получается цѣлая іерархическая лѣстница, основанная на принципѣ подчиненія и дисциплины, нѣчто вродѣ „табели о рангах." А в самом низу находятся безсловесныя массы крестьян и рабочих, — тѣ, кто является истинным носителем идеи партіи.

Фактически партіей является Центральный Комитет. Не существует партіи С.-Р. и С.-Д., — существуют только Центральные Комитеты их. Он — глава и руководитель. Он по своему усмотренію может повернуть партію вправо или влѣво, сдѣлать ее болѣе революціонной или менѣе. Он руководит всей партійной работой-агитаціей, пропагандой террором и т. д. Одним словом, Центральный Комитет „облечен всею полнотою власти", напоминает собою нѣчто вродѣ бывшей „звѣздной палаты", руководящей образом дѣйствій правительства. „Ц. К. представляет партію в сношеніях с другими партіями, назначает отвѣтственнаго редактора Центральнаго Органа из своей среды, организует комитеты, союзы комитетов и другія учрежденія партіи и руководит их дѣятельностью; организует и ведет предпріятія, имѣющія общепартійное значеніе, ра-

„предредѣляет силы и средства „партіи и завѣдует Центр. Кас„сой партіи; разбирает конфли„кты как между различными „учрежденіями партіи, так и вну„три их и вообще об'единяет „и направляет всю дѣятель„ партіи." Так сказано про роль Ц.К. в уставѣ соц-дем. партіи (III й с'ѣзд). Прибавим к этому, что Ц.К. не может контролироваться и провѣряться всѣми членами партіи так как он окружен мраком „конспираціи", ни один смертный не знает, гдѣ он находится, как он дѣйствует, — он витает там гдѣ то „в облаках". Да хотя бы он и находился перед глазами всѣх, из этаго мало-бы вышло толку: вѣдь Ц.К. не считается с мнѣніем „черни", он стоит выше ея. Какое ему дѣло до того, как о нем думают другіе члены партіи? При том, Ц.К. находится заграницей. Слѣдовательно, он живет в сторонѣ от жизни, он не знает положенія дѣл, — все это доходит к нему через вторыя руки. И в тоже время он руководит всей дѣятельностью партіи. Выходит, что он дѣйствует наугад, с закрытыми глазами.

На второй ступени этой бюрократической лѣстницы стоят власт[illegible] мѣстные, Районные Комитеты и организаціи. И им в такой же степени, как и Ц.К., присущ дух господства, и они также находятся под обаяніем собственной власти. Нам извѣстно, что эти бюрократическія учрежденія, вершащія „судьбы міра" зачастую состоят из трех, двух, даже одного человѣка. Эти господа, принимающіе на себя [illegible] кричащее имя „комитетов", не отличаются, в большинствѣ случаев [illegible] ими достоинствами, не предстаивают из себя [illegible] выдающагося: по большей части в эти комитеты попадает разный сброд, отбросы партіи, такіе господа, которым по всей справедливости слѣдовало бы состоять в кадетской партіи, а не примазываться к революціонному движенію. Среди рабочих-членов партіи растет все шире и шире недовольство на чванство и самовеличаніе господ „комитетчиков": находясь под обаяніем собственной власти, послѣдніе стали задирать кверху свои носы, в них проснулось раньше времени стремленіе ко власти, желаніе покомандовать, покричать. И почти во всѣх городах можно наблюдать эту внутреннюю борьбу в партіях: с одной стороны подчиненная масса рабочих стремится сбросить со своей спины самозванное начальство, с другой — г.г. комитетчики

еще крѣпче натягивают возжи. При таких условиях работа не может идти плодотворно. Одно из двух: или пусть остаются комитеты со своим содержанием самодержавным деспотизмом, со своими циркулярами и приказами — но без рабочих масс; или — рабочіе возьмут в свои руки свое кровное дѣло. Когда рабочіе вручают дѣло своего освобожденія посторонним лицам, они этим сами обрекают его на гибель. Начальники-главари всегда будут тянуть вправо — в область компромиссов, законности; они, дорвавшись до власти внутри партіи, измѣнят рабочим, измѣнят тѣм идеалам, которыми они сами раньше руководствовались. Это показал нам печальный опыт. В Германіи рабочіе, обманутые лживыми рѣчами своих партійных начальников — соціаль-демократов, положились на их обѣщанія, слѣпо повѣрили в их преданность рабочему революціонному дѣлу, и в результатѣ получилось то, что мы видим сейчас. Получилась партія полубуржуазная, имѣющая в своих рядах фабрикантов и заводчиков, партія уступок и сдѣлок с своею совѣстью и соціализмом. Совершилась эволюція вправо. Что было раньше и что теперь? Раньше соціаль-демократы посылали своих депутатов в парламент только для того, чтобы они заявляли там свой протест буржуазному міру и тотчас же удалялись; теперь на Мангеймском съѣздѣ соц.-демократов (1906 г. Сентябрь) было заявлено, что „преобразованіе общественнаго порядка должно совершится без катастроф, путем парламентской дѣятельности и профессіональнаго движенія рабочих. (слова с.д. Давида). Раньше Бебель с революціонным энтузіазмом доказывал необходимость очистительной революціи, теперь он с неменьшим энтузіазмом ораторствует в парламентѣ насчет налогов на сахар. Раньше вожди рабочих масс в дерзких красках рисовали перед восторженно внимавшим пролетаріатом величественный идеал вольнаго соціализма, теперь эти же вожди в своих роскошных кабинетах изуродовали этот идеал, сдѣлав из него какого то идиодка, сдѣлки между свободой и рабством, капитализмом и соціализмом. То было раньше, а то теперь. Раньше надо было сдерживаться, напускать на себя революціонный дух, чтобы заручится довѣріем масс, а теперь, когда это довѣріе пріобрѣтено, можно раскрыть свою буржуазную душонку, было-

жить свои низкіе, гаденькіе планы. Пролетаріат обманут-его вожди измѣнили ему. Так случилось и неизбѣжно должно было случиться там, гдѣ рабочіе беззавѣтно ввѣряются своим вождям. И у нас в Россіи, едва только повѣяло „свободами" 17 октября, так называемыя „революціонныя" партіи умѣрили свой пыл. От Соц.-Дем. Партіи откололась фракція „меньшевиков", у которых много общаго с кадетами, и ничего с соціалистами; на послѣднем с'ѣздѣ эти „меньшевики" оказались в большинствѣ. Соц-Революціонная партія (правильнѣе Ц.К. ея) издает циркуляр не жечь помѣщичьих усадеб, тогда как раньше проповѣдывалось совсѣм обратное. От этой же партіи совершенно отпадывается наиболѣе революціонная часть ея-максималисты, и выдѣляются в особую фракцію, не желающіе оставить революціонность, оппозиціонисты. Все это указывает на то, что главная центральная часть партіи уклонилась вправо.

Теперь спрашивается, совершилось-ли бы это отклоненіе вправо, если бы партіей управляли не какіе нибудь комитеты, а тѣ, кто является ея истинным носителем-трудящіеся люди. Неужели рабочіе могут завросить соціализм и приблизиться к кадетам? Нѣт. Соціализм для рабочаго-все. Им он живет, о нем думает, на него возлагает свои надежды. Отказаться от соціализма-это значит подписать смертный приговор себѣ, навѣки утвердить нищету, невѣжество и рабство. Проповѣдывать „демократическія реформы"-это значит еще крѣпче завязывать узел. Партію уклоняют вправо не рабочіе, составляющіе ее, а главари, пробравшіеся на верхи, буржуазный элемент, пролѣзшій в партію. Исходит ли дѣйствительно от крестьян циркуляр-не жечь помѣщичьих имѣній? Нѣт,- не смотря на всѣ угрозы и запреты, исходящіе как и от губернаторов, так и от соціалистов-революціонеров; помѣщичьи усадьбы продолжают пылать во всѣх концах Россіи. Партіи уклоняются вправо! Рабочіе и крестьяне! Сшибайте с верхов партійное начальство и верите в свои руки дѣло своего освобожденія.

Пролетарій, впервые услышал пламенныя рѣчи соціалистов о той свободной странѣ будущаго, гдѣ всѣ люди будут равны,

гдѣ будет довольство для всѣх, идет к ним с открытой душой, слѣпо вѣруя в их честность, правдивость и преданность общему дѣлу и, не пытаясь раскопать их сущность, чтобы узнать, — не расходятся-ли их слова с дѣлом, не будет-ли эта свободная страна будущаго царством насилія и гнета. Он вступает в их партію, увлеченный свѣтлым идеалом, готовясь душу свою отдать на дѣло освобожденія трудящихся, он мечтает о свободѣ, равенствѣ и братствѣ.... но с первых же шагов его осаживает комитет. С тяжелым недоумѣніем, с грустью в своих разбитых надеждах, он узнает, что свободѣ, равенству и братству нѣт мѣста в партіи, стремящейся к свободѣ, равенству и братству. Он узнает, что над его головою находится свора начальников, что всѣ эти комитетники, которых он считал за товарищей, равных себѣ, — имѣют право на него кричать, ему приказывать, им повелѣвать.

К. С.

Локауты.

Страшная опасность грозит рабочему классу со стороны капитала, опасность быть разбитым и уничтоженным по одиночкѣ. Фабриканты и заводчики, владѣльцы всевозможных предпріятій объединяются в союзы и локауты и начинают со своей стороны борьбу с рабочим классом, не дожидаясь его забастовок, его выступленій. Они хотят отнять у него то, что было раньше завоевано им путем лишеній, массы жертв и гибели десятков и сотен товарищей. Они желают поставить его в прежнія рамки, сдѣлать таким же послушным рабом, рабочей скотиной, какой он был раньше. Всѣ же мечтанія бѣдноты о лучшей жизни, ея стремленія к справедливости и равенству, как мѣшающее капиталу без стѣсненія эксплуатировать трудящіеся массы, он хочет вырвать с корнем и навсегда отучить репрессіями от повтореній подобнаго. Могучій, непобѣдимый, когда он выступает против небольшой кучки рабочих, он уничтожает всякое ея сопротивленіе, сметает непокорных и [illegible] подчиниться его всесильно волѣ.

Эти союзы, эти [illegible] к нам из-[illegible]

ктиковались гораздо раньше нашего. Из соседней с нами Германии они перекатились в Польшу, причем их возникло сразу несколько в самых разнообразных отраслях промышленной индустрии. И оттуда уже волною хлынули на Россию, возникая в самых разнообразных углах ея и развившись до самых высших форм интенсивности. Хозяева, заводчики, фабриканты с жадностью ухватились за это новое средство борьбы с непокорным и мятежным пролетариатом, дающее им значительный козырь в руки, и спешат использовать его пока рабочий класс не собрался с силами, не опомнился и не выступил против них дружными сплоченными массами.

Буржуазія воюет, действует быстро и энергично, разсчитывает и увольняет рабочих, грозит им голодом, безработицей, смертью — всем, что только может поколебать стойкость рабочаго, что только может сыграть им в руку и сломить сопротивленіе непокорнаго. Стоны и проклятья, мольбы и просьбы несутся отовсюду в иных местах доходит до того что рабочіе обкладывают фабрики, сами рвутся к машинам, и просят начать работы.

Все это вместе взятое развертывает перед нами всю картину грандіозной борьбы, когда капитал наступает, а рабочій обороняется, когда пытаются сломать упорство врага голодом, когда прибегают к самым гнусным отвратительным гнусным приемам борьбы и даже зовут на помощь военную силу.

Что нам говорить о локаутах, об этих проклятых локаутах, возникающих десятками, что вообще говорить о капитале? Нам нечего выступать против них с речами, нечего обращаться к доброму сердцу фабрикантов и заводчиков, говоря об ужасах голода, царствующих в семьях рабочих, о их нетопленных жалких жилищах, нечего пытаться склонить капиталистов к компромиссу и заставить их из чувств гуманности прекратить свою стачку. Так могут поступать лишь мягкотелые либералы, господа кадеты, люди, не понимающіе антагонизма, существующаго между предпринимателем-хозяином и рабочим, люди, так или иначе пытающіеся сгладить острые углы этой классовой борьбы. Язык адвокатов, третей-

йскіе суды, комиссіи и подкомиссіи нам противен — мы анархисты.

И как анархисты, как самые безпощадные враги существующаго строя, как люди, стремящіеся только к соціальной революціи — мы можем говорить лишь о анархических пріемах борьбы с локаутами хозяев, свойствовать рабочим [illegible] нашу анархистскую [illegible] с ними. Антибуржуазный и общественный террор — вот тѣ два сильных могучих орудія в руках рабочих масс, которыя помогут одержать ему верх над стачкой [illegible] капитала.

Рабочіе Западной Европы уже давно выработали спеціальныя формы борьбы с локаутами предпринимателей. Часть их, рабочая аристократія, обладая громадными суммами в кассах профессіональных союзов, не терпит нужды и лишеній во время локаута, в их жилища не заглядывает голод и вся борьба поэтому сводится к тому, кто дольше выдержит: рабочіе ли [illegible] кассами или бур[illegible] [illegible]

ной. И если все таки иногда капитал одерживает верх над рабочими, если он иногда побѣждает сопротивленіе пролетарских масс, то эта побѣда ничего не прибавляет к его лаврам, не дает еще ему возможности надѣятся, что вновь создавшееся положеніе вещей останется таким же на долгое время. Рабочіе, при первом же представившимся случаѣ, наверстывают свое и возвращают с лихвою то, что было отнято у них капиталом. Такой способ борьбы, борьбы деньгами может вести лишь аристократія рабочаго класса знаменитые англійскіе [illegible] тред'юніоны, но никак не простая сѣрая масса, не англійскіе докеры и французскіе рабочіе — не синдикалисты. Они то и прибѣгают к тѣм „дешовым" средствам, о которых мы и хотѣли говорить. Разгром фабрик, порча машин, а гдѣ при нуждѣ и антибуржуазный [illegible] [illegible]ленные способы борьбы дѣйствующіе поразительно на всякіе л[illegible]

...в.

...ржуа мало доступно чу-
...ство гумманости. Упитан-
...ный, прекрасно обставивший
свою жизнь, он ничего не
хочет слышать о рабочих
и их ужасном положенiи.
„Это-канальи, которые не
хотят работать!" всюду за-
являет он, — они, как скоты
не понимают ничего кро-
мѣ ругательств и ударов,
они не только не хотят ра-
ботать, этим животным
даже недоступно чуство
благодарности [illegible] спо-
койной совѣстью разчиты-
вает тѣх из рабочих, кото-
рые не мирятся со своим
подневольным положе-
нiем и протестуют про-
тив его деспотизма.
Что можно предпринять
против подобных предс-
тавителей капитала?
Неужели покорно склони-
ться перед ними, признать
их права неотъемлемыми
и вѣчными, особы их свя-
щенными? Неужели стать
дѣйствительно рабами, от-
казаться от борьбы, пойти
на уступки и компроми-
ссы с врагом?
Подлы люди, говорящiе что
либо подобное, их язык раз-
двоен и лукав, а то, что они вы-
ставляют в защиту своих ми-
ровоззрѣнiй, является самым
грубым обманом, посягатель-
ством на чистую незапятна-
нную справедливость. Они
лгут эти люди, преслѣдую-
щiе узкiе себялюбивые инте-
ресы и рабочее дѣло, освобо-
жденiе капитала от труда
являются в их устах фаль-
шивыми фразами.
Тысячу раз нѣт — пролетарi-
ат не должен мириться. Ра-
бочiй не должен уступать
ни пяди из захваченнаго и
капитал пусть падет пе-
ред ним на колѣни и ли-
жет его ноги, но ни как
ни он пресмыкается и ла-
зяет перед ним в пыли.
Только одно чуство не чуждо
капиталисту. Ему, считающе-
му весь мiр продажной тва-
рью, видящему всюду только
куплю и продажу, привыкше-
му оцѣнивать все и мѣрять ар-
шином торгаша, ему ни чуж-
ды интересы собственнаго
кармана. Они являются нер-
вом, управляющими всѣми его
поступками и дѣйствiями и
только удар по карману может
заставить его пойти на уступ-
ки и признать требованiя ра-
бочих справедливыми. Не

желая понимать языка слов и просьб, он однако прекрасно понимает язык силы и даже опирается на нее в своей убогой мещанской философии, говоря, что царствует лишь сильный, что сила есть право и справедливость. И вот, когда этой справедливостью начинают громить его фабрики, когда товары развираются их истинными владельцами, когда возмущение овладевает умами всех и даже на его палаты начинают смотреть через-чур откровенными глазами, он идет на уступки из боязни потерять свое достояние.

Гидра капитала смиряется не перед покорными просьбами и слезами, а перед протестом, поддержанным могучей рабочей силой, когда рабы становятся полными властителями края.

Вот почему мы ратуем за антибуржуазный террор во время локаутов и стачек хозяев. Он является тем средством, который способно смирить зарвавшагося фабриканта и разрушить его затеи, как карточный домик. Жизнь показала уже насколько оно могуче и сильно в борьбе с капиталом. И если толстую шкуру паразита-хозяина не могут пронять мольбы и просьбы, если он остается равнодушным к ужасам голода и безработицы, то за то „прямое воздействие (action directe) способно заставить его ниже пояса кланяться рабочему.

Что имущественный террор действительно то орудие, посредством которого можно капитал заставить прекратить локаут и помочь рабочему в борьбе, об этом нечего и говорить. Русские рабочие не обладают миллионами тред'юнионов, не имеют возможности продержаться во время локаута на пищу св. Антония и питаться как птицы небесныя, их положение слишком безвыходное, когда против их жалких грошей выступает тугая мошна капитала — только один имущественный террор может спасти их от голода и безработицы, только разгромом фабрик они могут заставить хозяев прекратить свою стачку.

В настоящее время, когда волна локаутов прокатилась по России, когда рабочие вынуждены

...дены бороться в одиночку против сильнаго противника, необходимо вспомнить и о „прямом воздѣйствіи" и о том, что нужно сохранить свои силы для будущей борьбы. Не безсиленными и немощными должны вступить пролетарскія массы в борьбу с капиталом и государством, а сильные, могучіе, сплоченные и дружные в единеніи. Они должны принять вызов капитала, а не смирятся перед его условіями.

Капитал наступает на труд! Люди сытые довольные хотят задушить измученных и голодных, ярмо деспотизма желает поглотить свободу! Но эта хитрая уловка капитала, его желаніе ослабить и смять наши ряды не удасться! Мы знаем его замыслы, поняли его планы!

Анархистская тактика, тактика рабочая и крестьянская должна быть пущена в ход против локаутов. „Кровь за кровь, жизнь за жизнь!" Пусть так воскликнут всѣ, кому дороги завѣтные идеалы. На наступленіе хищников; на их удар, нужно отвѣтить контр-наступленіем, контр-ударом.

Долой же рабство, произвол и насиліе! Долой Государство и хищный Капитал, мѣшающіе человѣчеству свободно жить и развиваться! Долой старый порядок с его проклятым требованіем „борьбы за существованіе," мы не хотим быть рабами! Пусть же возстанут мстители народа, пусть свободно развернутся черныя анархистскія знамена и гордая пѣсня, пѣсня свободы, пѣсня анархіи зазвучит над странами міра!

Смѣлѣе же в бой! За счастье за свободу человѣчества! Что могут значить тогда локауты и стачки, что могут сдѣлать с возставшими массами арміи солдат?

А-К.

Безработные и прокламація С.Р.

Послѣднія двѣ недѣли Саратов переживал безпокойные тревожные дни. Тысячи безработных, голодных, измученных людей осаждали городскую управу и требовали: „Работы и хлѣба. Старики, пожилые хмурые мужчины и подростки сошлись здѣсь у этих стѣн буржуазной цитадели и требовали, требовали, требовали. Они всѣ хотѣли всѣ, всѣ желали обезпечить себя от призрака голодной смерти и протягивали свои рабочія руки, просили и молили. „Вам нужно работы? Им работы?" Капитал спокойно и равнодушно взирал на них с высоты своего олимпійского величія и, огражденный штыками преданных ему солдат, потирал руки от удовольствія. „Непокорные, мятежные поймите же, наконец, кто я!" говорил он молчаливо — вы видите нарядныя улицы, магазины, полные товаров, мельницы с хлѣбом — вѣдь это все создано и сработано вашими руками, все устроено и приспособлено одними вашими силами, но владѣю всѣм этим только я!" И он на мольбы и просьбы отвѣчал ударами нагаек, на требованіе работы и хлѣба высылал вооруженную казацкую силу. „Плети, попробуйте плети!" кричал он, — выбейте дурныя мысли из ваших дурацких голов и умирайте спокойно!"

Так говорил капитал, так всегда будет говорить он в подобных случаях и мы анархисты можем лишь питать к нему одно чувство — ненависть, с ним лишь бороться, стремиться к тому чтобы его уничтожить, раздавить эту проклятую гидру.

Но в эти тревожные и безпокойные дни, когда контрасты слишком яркими пятнами выдѣлились на жалком обыденном фонѣ жизни, когда из под спокойной и твердой, как казалось, почвы показалась лава и огонь и вулкан готовился загрохотать, — в эти дни говорили с безработными и другіе люди, с ними объяснялись и бѣседовали С-Р.

У нас была их прокламація озаглавленная „к безработным" и подписанная „Саратовскій городской комитет П.С-Р.

Она показалась нам чудовищной, нелѣпой, какой то жалкой пародіей на то, что уже всѣм извѣстно, что пріобрѣло уже за собой извѣстный моральный авторитет. И чѣм больше мы вчитывались в нее, чѣм больше мы хотѣли найти отвѣт на вопрос, поставленный ею во главѣ, тѣм все яснѣе и яснѣе становилось для нас, что она не дала отвѣта, что безработные получили камень вмѣсто хлѣба.

„Братцы, мы вас любим!" журчали тихо с-р. — развѣ не извѣстно нам куда дѣвались милліоны, которые дали вам на работы, их украл Гурко! и, потрясая картонными мечами, взывали: „Самодержавіе, самодержавіе ты всему злу корень и причина! Твои министры роскошно ѣдят и пьют, мамушки, бабушки на молочишко дѣтишкам тянут милліоны! Ой! берегись самодержавіе, уж доберемся, да доберемся мы до тебя." — „Братцы, говорили они опять тихо, — организуйтесь ка с Богом, когда вас много! Организовались же городскіе рабочіе и крестьяне!" И потом снова: „Самодержавіе, берегись!....."

Организуйтесь," это любимый на-сѣв наших ср. и с-д. На митингах и собраніях они призывали к организаціи народной силы, в Думу забрались для того, чтобы организовать народныя массы. Я даже думаю, что и на единѣ они повторяют это любимое словечко, поражаясь музыкальностью составляющих его звуков, что даже, когда спят видят сны „единенія".

Организуйтесь!" так отвѣтили с-р. безработным, когда тѣ требовали хлѣба. У них ничего не нашлось больше в такое безпокойное время и этим они показали, как ничтожен соціализм с его оговорками и стремленіями вылѣчить безнадежно-больного.

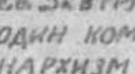
Да и что кромѣ предложенія организоваться можно было ждать от с-р. безработным? Развѣ могли найтись у них в эти грозныя минуты гордыя смѣлыя слова, отвѣчающія на думы и настроенія безработных? Нѣт, нѣт и нѣт. В самом лучшем случаѣ, они могли бы затянуть свою вѣчную, всѣм надоѣвшую пѣсню об Учредительном Собраніи с обѣщаніями всяких милостей и благ или ругать полицейское государство с его бюрократической машиной. Их жалкія обѣщанія спасенія, заключаю-

щіяся в четырехчленной формулѣ, их тактика примиренцев с настоящим, естественно не могли найти сочуственнаго отклика в душах безработных. Соціализм сам вырядил себя в шутовскій костюм, сам показал нам, как он ничтожен и безсилен перед такими явленіями капиталистическаго строя как голод и безработица. Он не сумѣл на них отвѣть, да никогда и не отвѣтит.

Вмѣсто того, чтобы постараться выяснить безработным всю подлость и гнусность капиталистическаго строя, провозглашающаго эксплуатацію человѣка человѣком, вмѣсто того, чтобы призвать массы к расправѣ с капиталом, GP. предпочли лучшим мямлить, пережевывать старое и говорить об организаціях и виновности самодержавія.

Недоказывает ли это лучше всяких книг и доводов нам, как жалок соціализм в сравненіи с коммунизмом, не учит ли это нас, не увеличивает ли наши шансы в борьбѣ с капиталом и государством? Да доказывае, да учит!

„Бунтарскому соціализму", а не „научному" принадлежит будущее завтрашняго дня. Лишь один коммунистическій анархизм суммирует в себѣ идеи, чуства и мысли пробуждающагося свободнаго человѣчества.



Б. С-Р.

Крестьянская война в Румыніи

II.

Крестьянская война в Румыніи началась из-за извѣстных всѣм причин. Безземелье, ужасныя условія аренды, безпощадная эксплуатація крестьянскаго труда помѣщиком, налоги и подати, невыносимый гнет правительственной власти и администраціи — все это вмѣстѣ создало тѣ обстоятельства, благодаря которым пожар, охватившій одну провинцію Молдавію быстро перенесся и в другія, объединив всѣх возставших под одним лозунгом: „Земля для всѣх!" Мы знаем также и очень даже хорошо, искусную вражду между помѣщиком и крестьянином, никогда не прекращающуюся, понимаем антагонизм, создавшійся в деревнѣ сдавних пор, благодаря борьбѣ классов, значе-

*) См. №18

ніе агитаціи. Все это лишь услу-
жило движеніе, обострило его до чрез-
вычайности и рѣзкими штрихами
намѣтило коренное различіе, отлича-
ющее старый мір от новаго, капи-
талистическій строй от проблем ком-
мунизма.

И движеніе это характерно и в том еще
смыслѣ, что оно ясно подчеркнуло не-
отложность и необходимость соціаль-
наго переворота, соціальной рево-
люціи. Оно замѣчательно тѣм еще,
что сразу, не смотря на усилія ан-
тисемитических и правительствен-
ных агитаторов, не смотря на по-
пытки заставить его пойти по ло-
жной дорогѣ, блистательно опро-
вергло всѣ происки врагов и
вылилось в чисто-народныя ана-
рхическія формы.

Каков же значеніе [illegible]
[illegible], почему оно [illegible]
всѣх, кто борется
с произволом и насиліем, почему
оно пріобрѣло [illegible] е значе-
ніе, как факт и как предвѣст-
ник наступающаго соціальна-
го переворота? Вот тѣ вопросы,
которые я поставил себѣ, [illegible]
сѣл писать статью, вот то на
что я хотѣл бы отвѣтить. Для нас
важно и необходимо выяснить
все это, показать как мы смотрим
на разсматривающіеся [illegible]
мы событія, как относимся к кре-
стьянскому возстанію.

Уже в первой главѣ я затронул
вопрос о том, что характерным
признаком послѣдняго вре-
мени, признаком, значеніе котораго
слишком велико, чтобы его
можно было обойти молчаніем,
является выступленіе на арену
общественной борьбы, борьбы ре-
волюціонной кромѣ пролетарс-
ких масс и крестьянства. И на
самом дѣлѣ, если мы прослѣ-
дим хронику послѣдних собы-
тій, то увидим, что на ряду с вле-
вочими стачками и волненія-
ми, шло и развивалось движе-
ніе крестьянское. За Сицилійски-
ми и Итальянскими крестьяна-
ми (мы уж не будем говорить
о фактах подобнаго движенія
среди Французских крестьян, о
которых сообщает Кудрин. Рус. Бог.
1900 г. стат. Крестьян. вопр. во Франціи)
поднялись и возстали русскіе и
наконец этот цикл завершился
недавней войной крестьян в Ру-
мыніи. [illegible] факт, что крестьян-
ство [illegible] из состоянія инертно-
сти и покоя, что оно вступило на путь
революціонный, этот факт неопро-
вержим. То, что писал Крапоткин в
„Рѣчах Бунтовщика" о крестьянствѣ и
его настроеніях, оказалось правил-

ным и подтвержденным самою жизнью. Крестьянство объявило войну капиталу, не считаясь больше с программами соціалистических партій, с дебатами господ „народных" представителей в парламентах. Это и доказало румынское крестьянство, в этом то и заключается вся важность их возстанія. Когда волновались и возстали русские крестьяне, когда у нас громили помѣщичьи усадьбы, жгли хутора и помѣстья, мы не могли сказать, что это движеніе является одним из звеньев общаго соціальнаго движенія. Мы не могли сказать этаго потому, что в Россіи оно велось под знаменем соціалистических партій, потому, что у нас не было фактическаго матеріала, позволившаго бы нам на основаніи его сказать, что движеніе пропитано анархистским духом. Вѣдь столько раз в 19 вѣкѣ начинавшіеся народныя движенія кончали тѣм, что закапывались и уходили в землю, либо ограничив себя національными рамками, либо измельчав в своих требованіях. И к тому ж. в Россіи еще не было ни одной народной революціонной бури, к тому же в ней существовал абсолютизм, о котором народу прокричали, как о главном злѣ, которое сначала и прежде всего нужно уничтожить. Могли ли мы на основаніи ничтожных данных говорить о том, что возстаніе русскаго крестьянства знаменует собою новую начавшуюся эру, новую стадію в борьбѣ. Нѣт не могли и поэтому не говорили. Крапоткин же го своей статьей „Революція в Россіи" яснѣе всего показал нам, что бы мы этаго не дѣлали. Она явилась полнѣйшим непониманіем происходившаго тогда в Россіи и затемнила как раз тѣ стороны, которыя нуждались в освѣщеніи.

Мынское же возстаніе крестьян как раз дало нам то, чего у нас не доставало. Оно, если можно так выразиться, дорисовало начатую в картину, связало звенья цѣпи и гнало в общий мелочий поток то, что казалось разрозненным и неопредѣленным. Теперь, когда мы знаем какое вліяніе имѣли на ход румынскаго возстанія и его подготовку волненія наших крестьян, когда мы знаем каким путем оно шло и развивалось, мы можем сказать: „Крестьянство присоединилось к [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

[illegible] У нас уже не может быть [illegible] и того, что русскимъ крестьянъ не руководилъ [illegible] стремленіемъ уничтожить абсолютизмъ [illegible] [illegible] [illegible] то, ты скажешь! Крестьянскія [illegible] носили [illegible] [illegible] характеръ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] въ этомъ [illegible] заканчивается, повторяю я опять, [illegible] значеніе Румынского [illegible] [illegible]

Н. С.

[illegible] №2

Анархистское движеніе въ Россіи.

Минскъ! Разгромлена вся заб[illegible]щая организація коммунистовъ-анархистовъ. Арестовано очень много товарищей, типографія, бомбы и оружіе. Тамъ же задержанъ швейцарскій анархистъ-синдикалистъ.

За границею.

Въ Ліонѣ состоялся съѣздъ французскихъ соціалистовъ, осудившихъ прямое воздѣйствіе и всеобщую забастовку. Мотивировка этаго къ сожалѣнію неизвѣстна.

Въ Италіи соціалисты раскололись на два теченія „Интегралистовъ ([illegible]) и синдикалистовъ-революціонеровъ. Вражда царящая между ними дошла до того, что въ засѣданіи „Римской соціалистической организаціи" они вступили въ драку, прекращенную лишь потушеніемъ электричества.

Оглавленіе второго номера:

1. Централизмъ Н.С. 1. 2. [illegible] А-К. [illegible] 3) Безработные и пропаганда С.Р. [illegible] [illegible] [illegible] война в Румыніи Н.С. [illegible] 5) Анархистское движеніе. [illegible] 6) За границею.

Изданіе группы Саратовскихъ анархистовъ-коммунистовъ